

Карл Густав Юнг

Стадии жизни

Рассмотрение проблем, касающихся стадий человеческого развития, является весьма ответственной задачей, потому что это означает не что иное, как отображение картины психической жизни во всей ее полноте, от колыбели до могилы. В рамках лекции такую задачу можно выполнить лишь в общих чертах. Вот почему мы не будем здесь описывать нормальные психические явления на различных стадиях, а ограничимся лишь некоторыми проблемами, то есть вещами сложными, спорными и неоднозначными; короче говоря, вопросами, позволяющими не одну, а несколько трактовок, и более того, трактовок не бесспорных. Так что многое из обсуждаемого нам придется мысленно сопроводить вопросительным знаком. Хуже того, кое-что мы будем вынуждены принять на веру, и время от времени отталкиваться от предположений.

Если бы психическая жизнь состояла только из самоочевидных истин — что все еще имеет место на примитивном уровне — то мы смогли бы довольствоваться здоровым эмпиризмом. Но психическая жизнь цивилизованного человека полна проблем; мы даже не можем думать о ней под другим углом зрения. Наши психические процессы состоят большей частью из размышлений, сомнений, опытов, в основе своей совершенно чуждых бессознательному, инстинктивному уму первобытного человека. Именно росту сознания мы обязаны существованием проблем, воплощающим данайский дар цивилизации. Именно отрыв человека от инстинкта-его противопоставление себя инстинкту — создает сознание. Инстинкт — это часть природы, и он стремится увековечить природу, тогда как сознание может лишь стремиться к культуре или к ее отрицанию. И даже когда мы возвращаемся к природе, вдохновленные тоской по ней в духе Руссо, мы "облагораживаем" ее. До тех пор, пока мы еще погружены в природу, у нас нет сознания и мы живем под защитой инстинкта, не знающего проблем. Все, что осталось в нас от природы, бежит проблем, поскольку они суть сомнения, а где властвует сомнение, там и неопределенность и возможность выбора. А где есть возможность выбора, там инстинкт более не управляет нами и мы предаемся страху. Ибо сознание ныне призвано сделать то, что природа всегда делала для своих детей: а именно, принять определенное, бесспорное и безошибочное решение. И здесь нас охватывает слишком человеческий страх за то, что сознание- наша Прометеева победа — в конечном итоге не сможет послужить нам так же хорошо, как природа.

Таким образом, проблемы вовлекают нас в состояние одиночества и изоляции, где мы оставлены природой и стремимся к сознанию. Для нас нет другого пути; мы вынуждены прибегать к сознательным решениям и действиям там, где раньше доверялись естественному ходу событий. Следовательно, любая проблема несет в себе возможность расширения сознания, но вместе с тем и необходимость расставания с детской неосознанностью своих поступков и верой в природу. Эта необходимость является психическим фактом такого значения, что он лег в основу одного из самых существенных символов христианства. Речь идет о жертве простого человека природы, не осознающего себя бесхитростного существа, чья трагическая карьера началась со съеденного в раю яблока. В библейском сюжете грехопадений человека приход сознания рассматривается как проклятие. И действительно, именно в этом свете мы первоначально воспринимаем каждую проблему, подталкивающую нас в сторону сознания и все дальше удаляющую нас от рая бессознательного детства. Каждый из нас с удовольствием поворачивается спиной к своим проблемам, стремясь, по возможности, не слышать о них или-еще лучше-забыть об их существовании. Мы желаем, чтобы наша жизнь была простой, определенной, успешной и поэтому проблемы для нас — запретная тема. Мы хотим определенности, но не сомнений, результатов, но не

экспериментов, как будто бы не видя, что определенность может возникнуть только через сомнения, а результат-только через опыт. Искусное отрицание проблемы не приведет к убеждению — напротив, требуется более широкое и глубокое сознание для того, чтобы дать нам определенность и ясность, в которых мы нуждаемся.

Это предисловие, хотя несколько затянутое, кажется мне необходимым для прояснения предмета нашего обсуждения. Когда нам приходится иметь дело с проблемами, мы инстинктивно сопротивляемся идти по пути, ведущему сквозь неизвестность и мрак. Нам нужны только несомненные результаты, при том мы совсем забываем, что такие результаты достижимы, лишь когда отважиться войти в темноту и снова выйти из нее. Но чтобы пройти через темноту, мы должны собрать все силы озарения, имеющиеся у сознания, и, как я уже отмечал, даже вооружиться предположениями, потому что при рассмотрении проблем психической жизни мы постоянно сталкиваемся с принципиальными вопросами, касающимися частных областей самых разнообразных сфер знания.

Мы беспокоим и раздражаем теолога в не меньшей мере, чем философа, врача — в не меньшей степени, чем учителя; мы даже нащупываем дорожку в области деятельности биологов и историков. Такое экстравагантное поведение объясняется не самоуверенностью, а тем обстоятельством, что человеческая психика представляет собой уникальную комбинацию факторов, которые одновременно являются предметом исследования разных направлений науки. А все потому, что науки вышли из человека и особенностей его конституции. Они являются симптомами его психики.

Следовательно, как только мы задаем себе неизбежный вопрос: "Почему человек в отличие от представителей животного мира вообще имеет проблемы?" — мы попадаем в замкнутое переплетение мыслей, узор которого создавался на протяжении столетий многими тысячами проницательных умов. Я не собираюсь брать на себя сизифов труд по совершенствованию этого шедевра путаницы, но постараюсь внести свой скромный вклад в копилку подходов человека к решению этого важного вопроса.

Не может быть проблем без их осознания, а значит, и без сознания. Поэтому необходимо поставить вопрос иначе "Как впервые возникает сознание?" На этот вопрос никто не может ответить с уверенностью, но мы можем наблюдать маленьких детей в процессе формирования их сознания. Это доступно любому родителю, если он будет внимателен. А видим мы следующее когда ребенок узнает кого-либо или что-нибудь, то есть когда он "знает" человека или вещь, тогда мы понимаем, что у ребенка появилось сознание, и, конечно, поэтому роковой плод в раю вырос именно на дереве познания.

Но что такое узнавание или "знание" в этом смысле? Мы говорим о "знании" чего-либо, когда нам удастся установить связь между новым восприятием и уже существующим контекстом таким образом, что мы держим в сознании не только это восприятие, но также и части данного контекста. Следовательно, "знание" основано на воспринятой связи между психическим содержанием. Мы не можем иметь знания о содержимом, ни чем не связанном, и мы даже не можем осознать его присутствие, если наше сознание еще на самом низком уровне. Таким образом, первая стадия сознания, которую мы можем наблюдать, состоит в простом увязывании двух и более психических содержимых. На этом уровне сознание спорадично и ограничивается пониманием нескольких связей, когда содержимое позже не сохраняется в памяти.

Не подлежит сомнению, что в ранние годы жизни нет непрерывной памяти, есть только — и это самое большее — островки сознания, подобные отдельным лампадам или освещенным объектам в кромешной тьме. Но эти островки памяти не идентичны тем самым ранним связям, которые просто восприняты; они содержат совокупность нового очень важного содержимого, связанного с восприятием самого субъекта, — так называемое эго.

Эта совокупность, подобно первоначальной, сначала просто воспринимается, и по этой причине ребенок естественно начинает говорить о себе как об объекте — в третьем лице. Лишь позже, когда эго-содержимое, так называемый эго-комплекс, приобретает собственную энергию (вероятнее всего, в результате тренировки и практики), возникает чувство

субъективности или "Самости". Видимо, в этот момент ребенок и начинает говорить о себе в первом лице. На этой стадии, вероятно, начинается непрерывность памяти. Следовательно, по своей сущности это будет непрерывная последовательность эго-воспоминаний.

На детской стадии сознания проблем еще нет ничто не зависит от субъекта, ребенок полностью зависит от своих родителей. Как будто он еще не полностью родился и окружен психической атмосферой своих родителей. Психическое рождение, а с ним и сознательная дифференциация от родителей, обычно имеет место лишь в период полового созревания, вместе с взрывом сексуальности. Это физиологическое изменение сопровождается психической революцией. Ибо различные телесные проявления дают такой импульс эго, что оно часто начинает утверждаться без ограничения или умеренности. Иногда эту стадию называют "невыносимым возрастом".

До достижения этой стадии психическая жизнь индивида направляется главным образом инстинктивно, и практически не возникает. Даже когда внешние ограничения противоречат его субъективным импульсам, эти ограничения не приводят индивидуума к разладу с самим собой. Он подчиняется им или обходит их, оставаясь внутренне целостным. Он еще не знает состояния внутреннего напряжения, вызываемого проблемой. Такое состояние возникает только тогда, когда внешнее ограничение становится внутренним: когда импульс противопоставляется другому.

В психологической терминологии это будет выглядеть так: проблематичное состояние, внутренний разлад с собой возникает, когда бок о бок с совокупностью содержимого появляется вторая совокупность равной интенсивности. Эта вторая совокупность благодаря величине своей энергии имеет функциональное значение, равное значению эго-комплекса, мы можем даже назвать его другим, вторым эго, которое временно может даже вырывать первенство у первого. Это вызывает внутренний разлад — состояние, являющееся признаком проблемы.

Подытожим сказанное: первая стадия сознания состоит из простого узнавания или "знания" и представляет собой неупорядоченное или хаотическое состояние. Вторая стадия — стадия развитого эго-комплекса является абсолютной или монической. Третья является еще одним шагом углубления сознания и включает постижение разделенного, дуалистического состояния.

Вот здесь мы и подходим к нашей действительной теме — проблеме стадий жизни. Прежде всего мы должны рассмотреть период юности. Он охватывает, в первом приближении, годы непосредственно после полового созревания и до периода середины жизни, который начинается в отрезке между тридцать пятым и сороковым годами.

Меня могут спросить, почему я начинаю со второй стадии жизни, словно нет проблем, связанных с детством. Сложная психическая жизнь ребенка является, конечно, проблемой первостепенной важности для родителей, преподавателей и врачей, но в нормальных условиях ребенок не имеет реальных собственных проблем. Ведь сомневаться в себе и быть в разладе с самим собой может лишь взрослый человек.

Все мы знакомы с источником проблем, которые возникают в период юности. Для большинства людей — это требования жизни, которые грубо кладут конец мечтаниям детства. Если индивидуум достаточно хорошо подготовлен, то переход к профессии или карьере может пройти гладко, но если он подвержен иллюзиям, расходящимся с реальностью, тогда наверняка возникнут проблемы. Все мы вступаем в жизнь, отталкиваясь от определенных предположений, которые иногда оказываются ложными, то есть не соответствуют условиям, в которых оказывается человек.

Часто это вопрос преувеличенных надежд, недооценки трудностей, необоснованного оптимизма или негативной установки. Каждый может составить целый список ложных предположений, которые становятся источником появления первых осознанных проблем.

Однако не всегда причиной проблем является противоречие между субъективными предположениями и внешними факторами, так же часто причиной могут быть внутренние психические трудности. Они могут существовать даже в том случае, когда во внешнем мире

дела идут успешно. Очень часто причиной является нарушение психического равновесия, вызванное половым инстинктом; в равной мере часто причиной становится чувство неполноценности, возникающее из-за невыносимой чувствительности.

Такие внутренние конфликты могут существовать даже тогда, когда адаптация к внешнему миру была достигнута без видимого усилия. Иногда даже кажется, что молодые люди, которым пришлось вести трудную борьбу за существование, лишены внутренних проблем, тогда как те молодые люди, которые по тем или иным причинам не испытывали трудностей с адаптацией, сталкиваются с сексуальными проблемами или конфликтами из-за чувства неполноценности.

Люди, у которых собственный характер порождает проблемы, часто являются неврастениками, но было бы серьезной ошибкой смешивать существование проблем с неврозом. Между этими двумя типами людей имеется четкое различие, которое заключается в том, что неврастеник болен потому, что он не осознает своих проблем, тогда как человек с трудным характером страдает от своих осознанных проблем, не будучи больным.

Если попытаться извлечь общие и существенные факторы из почти неисчерпаемого разнообразия индивидуальных проблем, обнаруживаемых в период юности, то мы увидим во всех случаях одну характерную черту — более или менее явно выраженную привязанность к уровню сознания детских лет, сопротивление роковым силам внутри и вокруг нас, влекущим нас в мир. Что-то внутри нас стремится остаться ребенком, не осознавать или, в лучшем случае, сознавать только эго, отвергать все незнакомое или же подчинять его нашей воле — ничего не делать или же предаваться жажде удовольствий и власти. Во всем этом есть что-то от инерции материи — это устойчивость предыдущего состояния, в котором диапазон сознания меньше, уже и эгоистичнее, чем в дуалистической фазе. Ибо здесь индивид сталкивается с необходимостью познать и принять нечто необычное и незнакомое в качестве части собственной жизни, своего рода "второго Я".

Существенной чертой дуалистической фазы является расширение жизненного горизонта, которое встречается с яростным сопротивлением. Если быть совсем точным, такое расширение или диастола, как его назвал Гете, начинается задолго до этого — а именно при рождении, когда ребенок покидает узкую оболочку материнского тела. С тех пор оно устойчиво нарастает, пока не достигнет вершины проблематического состояния, когда индивидуум начинает бороться с ним.

Что же случилось бы с человеком, если он просто слился бы с кажущимся незнакомым "вторым Я", позволив предыдущему эго кануть в прошлое? Мы можем предположить, что это был бы вполне практичный шаг. Сама цель религиозного образования, начиная с запугивания Адама и вплоть до ритуалов возрождения у первобытных племен, заключается в преобразовании человеческого существа в нового, будущего человека, позволяя старому умереть.

Психология учит нас, что в определенном смысле в психике нет ничего старого, такого, что могло бы действительно и окончательно умереть. Даже Павел был оставлен с тернием во плоти. Каждый, кто защищает себя от нового и незнакомого, уходя в прошлое, приходит к такому же неврастеническому состоянию, что и человек, отождествляющий себя с новым и убегающий от прошлого. Единственное различие состоит в том, что один избавляется от прошлого, а другой — от будущего. В принципе, оба делают одно и то же: они укрепляют узкий диапазон сознания вместо того, чтобы сокрушить его в борьбе противоположностей и построить более широкое и глубокое сознание.

Идеальным было бы достижение такого результата на второй стадии жизни, но тут имеется загвоздка. С одной стороны, природе нет никакого дела до более высокого уровня сознания. С другой — общество не особенно-то оценивает эти духовные подвиги: его награды всегда даются за достижения, а не за индивидуальность, чаще всего последняя бывает награждена лишь посмертно. Эта ситуация подталкивает нас к особому решению: мы вынуждены ограничивать себя достижимым, обособлять те способности, которые ведут общественно активного индивида к раскрытию его подлинного потенциала.

Достижение, полезность и т. д. — все это идеалы, которые, казалось бы, указывают на выход из смятения проблематического состояния. Это путеводные звезды, направляющие нас в стремлении расширить и укрепить наше психическое существование, — они помогают нам пустить корни в этом мире, но бессильны помочь в построении того более широкого сознания, которое мы называем культурой. В период юности, однако, этот курс вполне нормален и он при всех обстоятельствах предпочтительнее, чем сумбурные метания в хаосе проблем.

Следовательно, рассматриваемая дилемма часто решается следующим путем. Все, что дано нам прошлым, приспосабливается к возможностям и требованиям будущего. Мы ограничиваемся достижимым, и это означает отказ от всех других наших потенциальных психических возможностей. Кто-то утрачивает при этом ценную часть своего прошлого, другой — ценную часть своего будущего. Каждый может вспомнить друзей или школьных товарищей, подающих большие надежды и идеалистов в юности, которые при встрече через много лет выглядят так, словно они росли сухими и зажатыми в тисках. Это примеры вышеупомянутого решения.

Но серьезные проблемы жизни никогда полностью не решаются. Бели все же создается впечатление, что они решены, это верный признак того, что что-то упущено. Похоже, что значение и цель проблемы состоит не в ее решении, а в нашей непрестанной работе над ней. Только это спасает нас от оглушения и остановки в развитии.

Точно так же решение проблем юности путем ограничения себя лишь достижимыми целями является временно эффективным и не долговечным в глубоком смысле средством. Конечно, завоевание себе места в обществе и такое преобразование своего характера, чтобы он более или менее подходил к такой форме существования, является во всех случаях значительным достижением. Эту борьбу, ведущуюся как внутри себя, так и во вне, можно сравнить с борьбой ребенка за эго.

Эта борьба большей частью невидима, потому что ведется во тьме, но когда мы видим, как детские иллюзии, претензии и эгоистические привычки все еще липнут к человеку и в зрелые годы, становится чуть-чуть понятно, какая энергия участвовала в их формировании. Так же обстоит дело с идеалами, убеждениями, принципами и взглядами, которые в юности выводили нас в жизнь. За них мы боролись, страдали и одерживали победы. Они росли вместе с нами, и мы явно изменились, слившись с ними, мы стремились увековечить их и сделать само собой разумеющимися точно так же, как молодой человек утверждает свое эго вопреки этому миру и, зачастую, вопреки самому себе.

Чем ближе мы подходим к середине жизни, и чем успешнее нам удастся укрепиться в наших личных взглядах и общественном положении, тем больше мы убеждаемся в том, что мы идем верным курсом, и в правильности наших идеалов и принципов поведения. По этой причине они переходят для нас в разряд вечных ценностей, и мы считаем добродетелью неизменную приверженность им. При этом мы упускаем из виду тот существенный факт, что общественно значимая цель достижима лишь ценой сокращения индивидуальности. Многие, слишком уж многие аспекты жизни, которые мы должны были бы испытать, пылятся ненужной рухлядью в кладовых памяти, но иногда они тлеют невидимыми угольями под серой золой.

Статистические данные свидетельствуют об учащении психических депрессий у мужчин в возрасте около сорока лет и неврастенических осложнений у женщин чуть раньше. Мы видим, что в этой фазе жизни-между тридцатью пятью и сорока годами-в человеческой психике происходит подготовка важных изменений.

На первых порах перемены неосознанны и неуловимы. Скорее, это косвенные признаки перемен, вероятно, еще только зарождающихся в подсознании. Часто это похоже на легкое изменение в характере человека; в других случаях могут дать о себе знать некоторые черты, не появлявшиеся со времен детства, или же-наоборот, начинают ослабевать имеющиеся склонности и интересы человека, а вместо них появляются другие. С другой стороны, и это происходит очень часто, заветные убеждения и принципы человека, особенно нравственные,

начинают затвердевать и становиться все более жесткими до тех пор, пока где-то в возрасте около пятидесяти лет не наступит период нетерпимости и фанатизма. Как будто существование этих принципов оказалось под угрозой и потому возникла необходимость выделить их как можно больше.

Вино юности не всегда очищается с годами-иногда оно мутнеет. Все выше отмеченные явления могут лучше всего наблюдаться у довольно односторонних людей, появляясь временами раньше, временами позже. Начало этих процессов, как мне кажется, у них часто задерживается из-за того, что их родители еще живы. В таком случае дело обстоит так, словно период юности чрезмерно затянулся. Это особенно проявлялось у мужчин, чьи отцы жили долго. Смерть отца обычно вызывала у таких людей внезапное и почти катастрофическое взросление.

Я знал одного набожного мужчину, церковного старосту, который, начиная с сорока лет стал проявлять растущую и под конец невыносимую нетерпимость в вопросах морали и религии. Одновременно его характер заметно ухудшился. Под конец его облик стал напоминать потемневшую и гнущуюся вниз опору церкви. Дожив так до пятидесяти пяти лет, однажды в полночь, сидя в постели, он сказал своей жене: "Ну, наконец-то я понял! Я просто негодяй!" Понимание этого факта не осталось без последствий. На склоне лет он вел буйный образ жизни и промотал большую часть своего состояния. Вот это человечище — из огня да в полымя!

Весьма частые невротические расстройства во взрослые годы все имеют одну общую черту: они стремятся пронести психологию юношеской фазы через порог так называемых лет осмотрительности. Кто не знает этих трогательных старых джентльменов, которым всегда необходим разогрев блюда их студенческих дней и которые могут придерживать пламя жизни лишь воспоминаниями своей героической юности, но которые в остальном погрязли в безнадежно косном филистерстве? Да, у них есть, как правило, одно достоинство, которое нельзя недооценивать — они не неврастеники, а лишь скучные и стереотипные люди. Неврастеник-это скорее человек, у которого в настоящем никогда не ладится так, как бы ему хотелось, а потому он никогда не может насладиться и своим прошлым.

Как раньше неврастеник не мог избавиться от детства, так сейчас он не может расстаться со своей юностью. Он избегает печальных мыслей о приближающейся старости и, понимая невыносимость открывающейся перспективы, всегда стремится жить в прошлом. Подобно тому, как незрелую личность, детство которой затянулось, страшит неизвестное в этом мире и в человеческом существовании, так и взрослого человека страшит вторая половина жизни. Словно его ожидают неведомые и опасные задачи или будто ему угрожают жертвы и утраты, которые он не желает принять, или как будто прожитая жизнь показалась ему вдруг столь прекрасной и ценной, что он не может расстаться с ней.

Может быть, подо всем этим скрывается страх смерти? Это не представляется мне слишком вероятным, потому что, как правило, смерть еще далеко в будущем, и, следовательно, является чем-то абстрактным. Опыт показывает нам, что основную причину всех трудностей этого переходного состояния скорее следует искать в глубоких и весьма особенных изменениях внутри психики.

Чтобы охарактеризовать это состояние, я хотел бы взять для сравнения суточное движение солнца, но только такого солнца, которое наделено человеческими чувствами и ограниченным сознанием. Утром оно поднимается из ночного моря бессознательного и взирает на обширный яркий мир, который простирается перед ним в пространстве, постоянно расширяющемся по мере того, как оно поднимается по небесному своду. В этом расширении своего поля деятельности, вызванного собственным подъемом, солнце обнаруживает свое значение: достижение максимально возможной высоты и максимально широкое распространение света и тепла видится ему целью. В этом убеждении солнце движется своим путем к невидимому зениту — невидимому, потому что его маршрут уникален и индивидуален, и кульминационную точку нельзя вычислить заранее. По достижении полудня начинается заход, а заход означает пересмотр всех идеалов и

ценностей, лелеемых с утра. Солнце начинает противоречить самому себе. Получается, что оно должно не испускать лучи, а втягивать их. Свет и тепло уменьшаются и, наконец, исчезают.

Все сравнения неубедительны, но данное сравнение, по крайней мере, не хуже других. Французский афоризм обобщает это цинической констатацией: "Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait" (Если бы юность хотела, если бы старость могла (.фр.)).

К счастью, мы не солнца восходящие и заходящие, иначе это негативно сказалось бы на наших культурных ценностях. Но внутри нас есть что-то подобное солнцу, и разговоры о заре и весне, о сумерках и осени жизни — это не просто сентиментальные слова. Таким образом мы выражаем психологические истины, и более того, физиологические факты, потому что изменение воздействия солнца после полудня влияет даже на организм. В частности, среди южных рас можно наблюдать, что у пожилых женщин голоса становятся глубокими и грубыми, начинают пробиваться усики, появляются другие признаки огрубления, характерные для мужчин. С другой стороны, внешность мужчин оттеняется такими женственными чертами, как полнота и смягчение выражения лица.

В этнологической литературе имеется интересное сообщение об индейском воине-вожде, которому в среднем возрасте явился во сне Великий Дух. Дух объявил ему, что отныне он должен сидеть среди женщин и детей, носить женскую одежду и питаться женской пищей. Вождь последовал наказу, не утратив при этом своей авторитет. Это видение является истинным выражением революции в психике, происходящей в середине жизни человека, когда она начинает клониться к закату. Ценность мужчины и даже его тело пытаются измениться в свою противоположность.

Можно сравнить мужественность и женственность, включая их психические компоненты, с неким запасом веществ, которые в первой половине жизни расходуются не одинаково. Мужчина расходует большую часть мужских веществ и у него остается лишь небольшое количество женских, которые должны теперь быть задействованы. У женщины, наоборот, остается не использованный запас мужественности, который идет в дело и активизируется.

Эта перемена даже более заметна в психической, чем в физической сфере. Как часто случается, что мужчина в сорок пять или пятьдесят лет свертывает свой бизнес, а его жена засучивает рукава и открывает небольшую лавку, где ее муж, в лучшем случае, выполняет обязанности чернорабочего. Имеется много женщин, у которых социальная ответственность и общественное сознание пробуждаются лишь после сорока лет.

В современной деловой жизни, особенно в Америке, стали весьма обычным явлением нервные срывы в возрасте между сорока и пятьюдесятью годами. Если изучить, кто стал их жертвой, обнаруживается, что у них произошел надлом мужского стиля жизни, преобладавшего до сих пор, после чего остаются женоподобные мужики.

И наоборот, можно наблюдать женщин в тех же самых областях деловой активности, у которых во второй половине жизни развивается необычно жесткое мужское мышление, задвигающее на второй план чувства и сердечность. Часто такие перемены сопровождаются несчастьем в браке, потому что нетрудно представить, что происходит, когда муж проявляет нежность чувств, а жена — остроту мышления.

Хуже всего во всем этом то, что интеллигентные и воспитанные люди проводят жизнь, даже не подозревая о возможности подобных метаморфоз. Абсолютно не подготовленные, они вступают во вторую половину жизни. Или, может быть, у нас есть школы для сорокалетних, которые готовят их к наступающей жизни и ее требованиям, подобно обычным школам, прививающим молодым людям первоначальное знание о мире? Нет, совершенно неподготовленными мы вступаем во вторую половину жизни, хуже того, мы предпринимаем этот шаг с ложной уверенностью, что наши истины и идеалы будут служить нам и впредь.

Но мы не можем проводить сумерки жизни в соответствии с программой ее зари, ибо то, что было здорово на заре, становится мелким в сумерках, а утренние истины вечером

становятся ложью. Слишком многих людей преклонного возраста я лечил и консультировал как психолог, и слишком часто заглядывал в тайники их душ, чтобы остаться равнодушным к этой фундаментальной истине.

Стареющим людям следует знать, что их жизнь вступила в период не подъема и расширения, а сужения, подталкиваемого неумолимым внутренним процессом. Для молодого человека почти что грех или, по крайней мере, опасность — быть слишком занятым самим собою, а для стареющего человека уделять себе серьезное внимание является долгом и необходимостью. Искупав в своем свете весь мир, солнце отводит свои лучи, чтобы озарить себя. Вместо того, чтобы поступить аналогичным образом, многие пожилые люди предпочитают быть ипохондриками, скрягами, педантами, восхвалителями прошлого или даже вечными отроками — заменяя таким прискорбным образом работу по самоозарению.

Такая участь неизбежно вытекает из заблуждения, что вторая половина жизни должна направляться принципами первой половины.

Я только что сказал, что у нас нет школ для сорокалетних. Но это не совсем верно. Наши религии всегда были такими школами в прошлом, но сколько людей считает их таковыми в настоящее время? Сколько нас, пожилых людей, было воспитано в таких школах и действительно было подготовлено для второй половины жизни, для старости, смерти и вечности?

Человек определенно не перешагнул бы семидесяти- или восьмидесятилетний рубеж, если бы такое долголетие не имело значения для него как биологического вида. Так и закат человеческой жизни должен иметь свое собственное значение, а не быть просто жалким придатком к заре жизни.

Значение рассвета человеческой жизни несомненно заключается в развитии личности, укреплении позиций во внешнем мире, размножении нашего биологического вида и в заботе о наших детях. Это очевидная цель природы. Но когда эта цель достигнута и более чем достигнута, будут ли добывание денег, расширение приобретений и продление жизни постоянно переступать все границы благоразумия и здравого смысла?

Тот, кто несет в сумерки закон утра или цель природы, расплачивается за это ущербом для своей души точно так же, как и подрастающий юноша, пытающийся перенести свой детский эгоизм во взрослую жизнь, заплатит за эту ошибку неудачей в обществе. Добывание денег, общественные достижения, семья, потомство — все это не что иное, как чистая природа, но не культура. Культура располагается за пределами природных целей. Может быть, культура каким-то образом и является целью второй половины жизни?

В первобытных племенах мы видим, что старые люди почти всегда являются хранителями тайн и законов, и именно в них сосредоточено культурное наследие племени. А как обстоит дело у нас? Где мудрость наших стариков, где их ценные секреты и видения? В большинстве своем наши пожилые стремятся соревноваться с молодыми. В Соединенных Штатах Америки считается почти идеалом для отца быть братом своим сыновьям, а для матери, по возможности, быть младшей сестрой своей дочери.

Я не знаю, насколько эта путаница вызвана отторжением ранее имевшего место чрезмерного восхваления достоинств пожилого возраста и насколько — ложными идеалами. Несомненно, такие лжеидеалы существуют, и цели тех, кто их лелеет, вовсе не прогрессивны. Вот почему они всегда норовят повернуть назад. Можно согласиться с ними в том, что, действительно, трудно понять, какие еще цели могут иметься во второй половине жизни, если не хорошо известные цели се первой половины.

Продление жизни, полезность, продуктивность, обретение положения в обществе, умелое пристроительство детей в выгодный брак или на тепленькое местечко — разве этого недостаточно? К сожалению, все это не имеет достаточного смысла и не является целью для тех, кто видит в приближении старости просто сокращение своей жизни и может воспринимать свои прежние идеалы лишь как что-то увядшее и износившееся.

Конечно, если бы они наполнили кубок жизни раньше и осушили его до дна, то сейчас чувствовали бы себя совершенно по-другому. И это проявлялось бы во всем: они ничего не

оставили бы позади, все перегорело, и тихая старость была бы очень желанной. Но мы не должны забывать, что лишь немногие люди избирают жизнь своим искусством, а ведь оно — самое выдающееся и редкое из всех искусств. Кому когда-либо удавалось выпить всю чашу с достоинством? Так что для многих людей слишком большая часть жизни остается непрожитой, — иногда это упущенные случаи или возможности, которые им так и не удалось осуществить несмотря на все старания. Таким образом, они приближаются к порогу старости с неудовлетворенными потребностями, которые неизбежно обращают их мысленный взор назад, в прошлое.

Для таких людей особенно опасно оглядываться назад. Для них абсолютно необходимы перспектива и цель в будущем. Вот почему все великие религии обещают загробную жизнь, выдвигая неземную цель, которая позволяет брэнному человеку прожить вторую половину жизни так же осмысленно, как и первую.

Для современного человека продление жизни и ее кульминация являются вполне вероятными целями, тогда как идея жизни после смерти кажется ему проблематичной или не заслуживающей доверия. Прекращение жизни, то есть смерть, можно принять как разумную цель лишь в том случае, когда существование настолько ужасно, что мы рады положить ему конец, или когда мы убеждены, что солнце клонится к закату, "чтоб страны дальние согреть", с таким же логическим постоянством, которое оно продемонстрировало при подъеме в зенит.

Но вера стала сегодня столь трудным искусством, что она оказалась за гранью возможного для большинства людей, и особенно для образованной части человечества. Они слишком привыкли к мысли о том, что в отношении бессмертия и тому подобных вопросов существует несчетное число противоречивых мнений и ни одного убедительного доказательства. И поскольку "наука" является модным словечком, которое, похоже, имеет вес абсолютного убеждения в современном мире, мы требуем "научных" доказательств. Но образованные люди, которым не чужд процесс мышления, очень хорошо знают, что доказательства такого рода не под силу философии. Мы просто не можем знать о таких вещах абсолютно ничего.

Со своей стороны, хочу заметить, что по тем же самым причинам мы не можем знать также, происходит ли что-либо с человеком после смерти. Здесь недопустим ответ ни за, ни против. У нас просто нет определенных научных знаний об этом, чтобы ответить так или иначе, и, следовательно, мы находимся в таком же положении, когда спрашиваем, есть ли жизнь на Марсе. И жителям Марса, если они там имеются, наверняка безразлично, подтверждаем ли мы или отрицаем их существование. Может, они там есть, а, может, и нет. Так же обстоит дело с так называемым бессмертием — и на этом мы с вами можем отложить рассмотрение данной проблемы.

Но тут просыпается моя совесть врача, побуждая меня сказать несколько слов, имеющих важное отношение к этому вопросу. Я не раз замечал, что целенаправленная жизнь в целом лучше, богаче и здоровее, чем жизнь бесцельная, и что лучше двигаться вперед вместе с потоком времени, чем назад, против его течения.

Для психотерапевта пожилой человек, который не может распрощаться с жизнью, кажется таким же слабым и болезненным, как и молодой человек, который неспособен охватить жизнь в свои объятья. И конечно, очень часто виноваты в этом ребяческая жадность, страх, неумное тщеславие и своенравие, встречающиеся как у молодых, так и стариков. Как врач, я убежден, что распознать в смерти цель, к которой можно стремиться, — это вопрос своего рода гигиены, если мне будет позволено употребить это слово в таком контексте, и что уклонение от этой цели является каким-то нездоровым и ненормальным явлением, которое лишает вторую половину жизни ее цели. Исходя из этого, я считаю, что все религии, имеющие неземную цель, в высшей степени убедительны с точки зрения психической гигиены. Если я живу в доме, который, я знаю, обрушится мне на голову через две недели, все мои жизненные функции будут находиться под влиянием этой мысли, и, наоборот, если я чувствую себя в безопасности, я смогу жить в этом доме нормально и

комфортабельно. Следовательно, с точки зрения психотерапии, было бы желательно думать о смерти лишь как о переходном периоде или как о части жизненного процесса, протяженность и продолжительность которого находятся за пределами наших знаний.

Хотя большинство людей не знает, почему организму нужна соль, все мы употребляем ее в силу инстинктивной потребности. То же самое происходит с психикой. До сих пор большая часть человечества ощущала с незапамятных времен потребность верить в продолжение жизни после смерти. Следовательно, требования терапии ведут нас не на обочину, а на самую середину магистрального пути, проторенного человечеством. Вот почему наши мысли правильны и находятся в гармонии с жизнью, хотя мы и не понимаем, о чем они.

Всегда ли мы понимаем, о чем думаем? Мы понимаем только такой вид мышления, который имеет форму простого уравнения, из которого вытекает лишь то, что мы в него заложили. Такова работа интеллекта. Но помимо указанного существует мышление изначальными образами или символами более древними, чем исторический человек, которые являются для него врожденными с изначальных времен. Вечно живые, переживающие все поколения, они до сих пор составляют основу человеческой психики.

Прожить полноценную и наполненную жизнь возможно, лишь когда мы находимся в гармонии с этими символами; мудрость же представляет собой возврат к ним. Это вопрос не веры или знания, а лишь согласованности нашего мышления с изначальными образами бессознательного. Они являются непредставимыми матрицами всех наших мыслей, на чем бы ни сосредотачивалось наше сознательное мышление.

Одной из таких изначальных мыслей является идея жизни после смерти. Наука и эти первообразы несоизмеримы. Они представляют собой иррациональные данные, априорные условия воображения, которые просто существуют, а их цель и обоснование наука может изучать лишь *a posteriori* так, как она изучает, например, функцию щитовидной железы. До начала девятнадцатого столетия щитовидка считалась бесполезным органом просто потому, что не была понята. В равной мере и для нас было бы недальновидно считать эти первообразы бессмысленными. Для меня эти образы являются чем-то напоминающим психические органы, и я отношусь к ним с величайшим уважением. Иногда случается, что я вынужден сказать пожилому пациенту;

"Ваше представление о Боге или ваша идея о бессмертии атрофирована, следовательно, ваш психический метаболизм не в порядке". Древнее *athanasias pharmakon* — эликсир бессмертия — представляет собой более глубокое и значимое понятие, чем нам казалось.

В заключение я хотел бы вернуться ненадолго к сравнению с солнцем. Сто восемьдесят градусов дуги жизни делятся на четыре части.

Первая четверть, лежащая к востоку, — это детство, состояние, в котором мы являемся проблемой для других, но еще не осознаем собственных проблем. Осознанные проблемы заполняют вторую и третью четверти, тогда как в последней четверти, находясь в глубоко преклонном возрасте, мы вновь опускаемся в такое состояние, когда независимо от качества нашего сознания мы опять становимся некоторой проблемой для других. Детство и преклонный возраст, конечно, весьма различны, однако, у них есть одна общая черта — погружение в бессознательные психические явления. Поскольку ум ребенка вырастает из бессознательного, его психические процессы не сложно, хотя и не так легко, различить в отличие от таких же процессов у очень старого человека, который вновь погружается в бессознательное, все более исчезая в нем. Детство и старость — это стадии жизни без каких-либо осознанных проблем, вот почему я и не рассматривал их здесь.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

